

ЭТЮДЫ
ОБ УЧЁНЫХ

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Ф.И. БУСЛАЕВА

© 2019 г. О.В. Никитин

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

E-mail: olnikitin@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.07.2018 г.

Поступила после доработки 11.07.2018 г.

Принята к публикации 18.07.2018 г.

В статье представлен аналитический обзор биографии и научной деятельности выдающегося русского учёного-филолога академика Императорской Академии наук Ф.И. Буслаева (1818–1897). Особое внимание уделяется его новаторству в области изучения памятников народной словесности и преподавания истории русского языка. Подчёркивается, что Ф.И. Буслаев стоял у истоков современной компаративистики, лингвокультурологии и своими открытиями повлиял на развитие отечественной науки XX–XXI вв. В статье обнародованы новые архивные документы, раскрывающие лабораторию творческой мысли Ф.И. Буслаева и показывающие его становление как учёного. Приводятся также интересные малоизвестные факты из его биографии. Личность Ф.И. Буслаева рассматривается в русле общественных и исторических событий его времени.

Ключевые слова: Ф.И. Буслаев, история науки, филология, русский язык, компаративистика, словесная культура.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-5873893285-296>

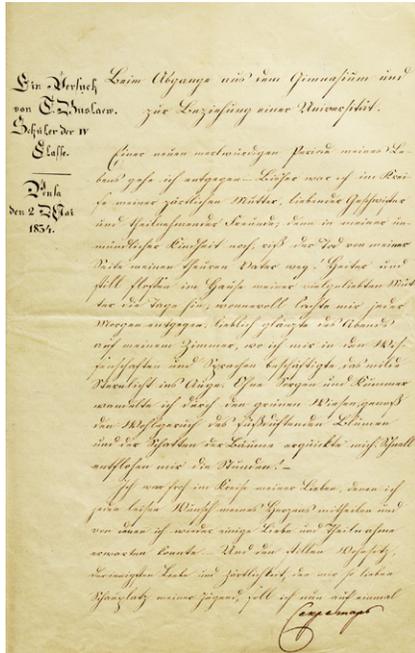
Фёдор Иванович Буслаев. 1870-е – начало 1880-х годов
Гравюра Ю. Шюблера по фотографии

Про Буслаева можно сказать, что он отдавался науке весь: сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия – всё это одинаково является достоянием трудов Буслаева. Такой человек более, чем кто-либо другой, был способен заложить основания новой науки.

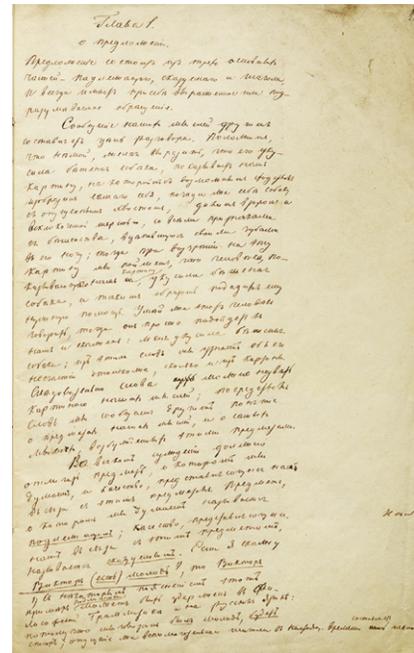
Академик А.А. Шахматов

Имя легендарного отечественного учёного – филолога-компаративиста, историка, искусствоведа, педагога-новатора Фёдора Ивановича Буслаева – уже давно перешло рубежи столетий и сейчас, в XXI веке, продолжает жить как образец высочайшей интеллектуальной культуры и подлинного искательства, в чём бы оно ни выражалось – в изучении памятников старины и народного эпоса, в преподавании основ русского языка в гимназиях и Императорском Московском университете, в таинстве исследования иконографии, в любви к литературе и зодчеству. Но прежде всего Фёдор Иванович был тесно связан духовны-

НИКИТИН Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания МГОУ.

Гимназическое сочинение Ф.И. Буслаява
Автограф на немецком языке. 1834 г.

Фрагмент рукописи Ф.И. Буслаява "Основания общей грамматики" Сильвестра де Саси (перевод с немецкого)
Автограф. 1834–1836 гг.

ми узами с русским народным бытом — от летописных сказаний и древнеславянского фольклора до разработки проблем теории словесности и диалектологии. Он стал выразителем лучших филологических устремлений своей эпохи.

Ф.И. Буслаяв родился 13 (25 по ст. ст.) апреля 1818 г. в г. Керенске Пензенской губернии. О родителях он рассказывал так: "Моя матушка, дочь армейского офицера Ивана Андреевича Андреева, участвовавшего в Суворовском походе через Альпы в Италию, родилась в 1802 г., а в 1816-м, четырнадцати лет от роду, вышла замуж за моего отца Ивана Ивановича Буслаява, состоявшего в должности керенского уездного стряпчего" [1, с. 61].

Ко времени окончания гимназии Фёдор Иванович прилично освоил латинский, древнегреческий, французский и немецкий языки, прочитал несколько томов "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина, успешно занимался логикой и риторикой. В итоговом "упражнении" — сочинении на тему "При выходе из Гимназии и желании поступить в Университет" от 2 мая 1834 г. — он писал: "Я вступаю в новый важный период моей жизни. Доселе не разлучался я с нежною моею матерью, милыми сёстрами и искренними друзьями, ибо отца моего лишился я ещё в моём младенчестве. Ясно и безмятежно текли дни для меня в доме родительском, радостно улыбалось мне каждое утро; приятно вечернею порою свеча догорала в моей комнате, где я упражнялся в науках и учился языкам. <...> Я должен предпринять

новый важнейший период моей жизни и вступить в новые неизвестные обязанности. Сколь затруднительна будет перемена сия моему сердцу! Какой рассудительности и основательности требует она! С какою робостью метётся дух мой, когда я воображаю себе тёмную, неизвестную будущность! Но Ты, Всеведущий Отец и Правитель судьбы моей, предназначен, чтобы я на таком поприще достиг своей цели быть некогда полезным гражданскому отечеству" [2].

На одном из вечеров, посвящённых памяти Ф.И. Буслаява, его ученик М.Н. Сперанский вспоминал о годах юности прославленного филолога: «Художественная лира Пушкина увлекала тогда всех: что не доходило путём печати, доходило в рукописях, списывалось, читалось, заучивалось; сам Фёдор Иванович любил рассказывать, какое волнение у них произвело своим появлением "Горе от ума" (разумеется, в рукописи) в Пензе» [3, с. 3].

Летом 1838 г. Ф.И. Буслаяв держал экзамены в Императорский Московский университет. Судьба благоволила пытливому юноше: священную историю он знал отлично и показал очень хорошие результаты. В момент сдачи одного из экзаменов к нему подошёл незнакомый человек, стал вслушиваться в речь Фёдора, а после расспрашивал его об учителях и пообещал содействие. "Когда я с радостью возвратился на скамейку к товарищам, мне сказали, что я говорил с Михаилом Петровичем Погодиным" [1, с. 22].

В итоге Буслаев был принят в Московский университет и стал одним из трёх казённокоштных студентов, которые обучались и содержались полностью за счёт государственных средств, на "казённый кошт", остальные числились своекоштными [4, с. 56]. М.И. Ванькина (в первом браке Буслаева), маменька, как он ласково называл её в письмах, заботилась о сыне: посылала, когда могла, деньги и ждала от него любой весточки. Вот строки из её письма от 30 октября 1834 г., посланного сыну после его отъезда из Пензы (орфографию и пунктуацию оставляем без изменений как исторический документ): "<...> если бы есче месяца два не будишь жить в уневерситети ох ето тижело, узнаи хорошенько есть ли можно скоро ли тебя туда примут и напиши ко мне, денник я мало тебе посла да слава Богу что были ети напиши как ты ими распоредился" [5].

Ф.И. Буслаев взрастал как личность в особенное время: только начинали выходить и становиться на прочный фундамент славистические идеи, а новое сравнительно-историческое языкознание словно подталкивало молодого человека встать в ряды его последователей. Он ревностно изучал древние языки и труды классиков русской и западноевропейской филологии. Будучи студентом университета, по совету И.И. Давыдова взялся за сложную работу "с немецкого перевода Фатерова" переложить на русский язык "Основания общей грамматики" (в оригинале "Principes de grammaire générale". Paris: J.J. Fuchs, 1799) французского лингвиста и ориенталиста Сильвестра де Саси. Этот труд, датируемый 1834–1836 гг., остался ненапечатанным, но по тому, как основательно подошёл к нему Ф.И. Буслаев, можно понять его устремления: помимо перевода молодой исследователь комментировал работу и вносил ценные примечания к тексту [6].

О своих педагогах Фёдор Иванович вспоминал тепло, не без иронии: "Всякий раз Каченовский приносил с собою шафариков учебник¹, разлагал его на кафедре и старческим дряблым голосом, с передышкою, подстрочно переводил немецкую речь на русские слова. Монотонность такого чтения с неизбежными паузами, когда переводишь экспромтом, наводила на нас томительную скуку, и тем больше потому, что нам самим хорошо была знакома эта немецкая книга" [1, с. 125]. Об И.И. Давыдове он говорил, что это "был хороший математик и знаток римской словесности" [там же, с. 130], как "академик старого закала он наблюдал безукоризненную чистоту слога и брезгливо выметал малейшую соринку, наваянную из безыскусственной и обиходной

Ф.И. Буслаев

С литографии предположительно начала 1840-х годов

разговорной речи в тесный круг языка книжного, закодированный для профанов законами светского приличия" [там же, с. 132].

С. П. Шевырёв приобщил Фёдора Ивановича к красотам простонародной речи: тот разбирал со студентами летописи, произведения Н.М. Карамзина, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, учёные труды А.С. Шишкова. "Эти лекции, — писал уже в зрелом возрасте Буслаев, — производили на меня глубокое неизгладимое впечатление, и каждая из них представлялась мне каким-то просветительским откровением, дававшим доступ в неисчерпаемые сокровища разнообразных форм и оборотов нашего великого и могучего языка. Я впервые почуял тогда его красоту и сознательно полюбил его" [там же, с. 134].

Интересно отметить, что в одно время на том же отделении вместе с Ф.И. Буслаевым учились будущие крупные деятели российского просвещения: востоковед и библиограф, член Парижского и Лондонского азиатских обществ К.А. Коссович, знаток классической и русской литературы, педагог В.И. Классовский, литературный критик и издатель М.Н. Катков, философ-славянофил Ю.Ф. Самарин, известный педагог и лингвист профессор Александровского лицея П.М. Перевлесский, знаменитый историк и палеограф, директор Императорской публичной библиотеки академик А.Ф. Бычков, кабардинский общественный деятель Д.С. Кодзоков, публицист и славист, председатель Киевского отделения Русского музыкального общества Н.А. Ригельман [4, с. 56, 57].

¹Павел Йозеф Шафарик (1795–1861) — известный словацкий и чешский славист.

Диплом Ф.И. Буслаева на степень кандидата по первому отделению философского факультета Императорского Московского университета

Копия подлинника. 11 июня 1838 г.

К концу университетского курса Буслаев уже твёрдо знал, какая область филологии станет для него главной — славяно-русская. Он завершил обучение в конце мая 1838 г. В июне выпускнику вручили диплом со степенью кандидата по первому отделению философского факультета, подписанный ректором М. Т. Каченовским и деканом И. И. Давыдовым [7]. Открывалась новая страница в его биографии, наполненная удивительными впечатлениями, находками и научными открытиями, поиском собственного предназначения.

В начале профессиональной деятельности Фёдор Иванович служил домашним учителем у барона Л. К. Боде и некоторое время работал в гимназии, а затем преподавал русский язык и словесность детям графа С. Г. Строганова, находясь вместе с его семьёй в Италии. По возвращении он вернулся к педагогической деятельности, начал печататься и мечтал о серьёзной преподавательской работе [8, с. 72].

Ф.И. Буслаев искал свой метод, который описал в книге "О преподавании отечественного языка" [9]. Этот труд можно рассматривать как первый авторский курс для гимназий Российской империи по преподаванию родного языка. Фёдор Иванович внимательно изучил опыт "педагогических партий" того времени и не смог принять сложившейся системы обучения языку по образцам латинских грамматик. Он призвал своих читателей к основательному изучению "библейского языка", древних памятников, летописей, любимого им Карамзина, сделав особый акцент

на сравнительно-историческом изучении фактов народной словесности и языка, впервые так ясно обозначив национально-культурный принцип обучения в русской филологической традиции. Даже схоластической риторике XVIII в. учёный пытался придать исторический характер и применить это к чтению произведений М. В. Ломоносова [9, ч. 1, с. 297 и далее].

Переходя ко второй части, автор заметил, что в ней предложен "опыт раскрытия нравственного чувства учеников на изучении языка" [там же, с. 328]. Особое внимание Буслаев уделит здесь проблемам, которые до него никогда не рассматривались и не входили в учебные руководства, в частности, "ономатике", народному языку и его истории с "изобразительными выражениями" и "бытом воинским, юридическим, религиозным, семейным и общественным" [10, с. 48—56]. Он рассказывал о языческой символике, мифологии и поэзии, говорил о роли зодчества, живописи и музыки, касался освоения "провинциализмов" и "стихий чужеземных" в русском языке и завершил книгу показательным утверждением: "Каждому языку свойствен особый склад речи, именуемый слогом: стилистика русская от первой страницы до последней должна быть генетическим определением русского слога" [9, ч. 2, с. 375].

Ведущие российские издания откликнулись на это событие: "Современник", "Москвитянин", "Библиотека для чтения", "Отечественные записки" и другие журналы и университетские известия пестрили оценками, критикой необычного учебника. Русское общество во многом благодаря Буслаеву восстало против псевдопедагогики и зубрёжки, "полицейских правил" грамматики и задумалось о том, как следует учить детей и прививать им любовь к Отечеству и родному языку. Анонимный критик, поместивший свою рецензию в "Отечественных записках", начал её с такой фразы: "Мы много виноваты перед этой книгой" [11, с. 37]. И далее написал: "Автор подал прекрасный пример, какому пути должно следовать в отыскании законов отечественной речи. Он прочёл многие памятники литературы и рассматривает русский язык в тесной связи с славянскими наречиями" [там же, с. 50].

Показательны не только отзывы современников, где были и скептические выпады в адрес Буслаева вроде рецензии барона Брамбеуса (псевдоним О. И. Сенковского) в "Библиотеке для чтения", который "разнёс... в пух" его книгу [12, с. 157], но и позднейшая реакция: "Вообще, сравнивая первую книгу Буслаева с другими современными работами подобного рода, нельзя не заметить, что русская филология с ним вступает в новую и плодотворнейшую стадию разви-

тия: до тех пор были тяжеловесные почтенные труды, усердно подбиравшие материал, но имевшие в виду только посвящённых специалистов, а что предназначалось для большой публики, то было лишено всякой научной солидности и имело вид и значение чуть не ученических рассуждений. С Буслаевым русская наука как бы переходит из монашеской келлии (так в тексте. — *О.Н.*) [,] с одной стороны [,] и из гимназии [,] с другой [,] в светлую аудиторию европейского университета" [там же, с. 156]. Академик А.А. Шахматов увидел в ней портрет самого автора, поднявшегося на высоту "филологии духа" времени: "Живое, полное любви и творческой силы отношение этого человека к знанию — вот что создало историческую науку о нашем языке" [13, с. 12]. В статье памяти Ф.И. Буслаева учёный указал на ещё одну немаловажную деталь "педагогической поэмы" Фёдора Ивановича — впервые сугубо научная, методическая книга стала во главе локомотива "русской мысли" того времени: "общество осознало необходимость сделать самопознание основой образования" [там же].

Вновь открытые факты, обнародованные в сборнике документов "Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841—1891 гг.", свидетельствуют о том, что именно эта работа побудила коллег Буслаева выдвинуть позднее его кандидатуру для представления в ординарные академики. В "Записке об учёных трудах профессора Московского университета Ф.И. Буслаева", составленной П.А. Плетнёвым, говорилось: "Он указал новый путь, по которому должна идти наука исследований законов нашего слова. Этот путь должен быть назван историческим" [14, с. 4].

Фёдору Ивановичу предлагали представить вторую часть книги для защиты магистерской диссертации, но скромный автор отказался и принял за новую работу. В следующем сочинении он, по справедливому замечанию А.И. Кирпичникова, "оказывается первым и по времени, и по достоинству работником в области сравнительной истории духовной жизни главнейших европейских племён" [15, с. 57].

В книге Н.П. Барсукова "Жизнь и труды М.П. Погодина" сохранились любопытные свидетельства, как в 1848 г. происходило это важное для Буслаева событие: "Наконец диссертация моя прошла сквозь огонь и воду, то есть напечатана и защищена. Диспут был 3-го июня, в четверг; спорили долго, от 12 и почти до 4 часов. Возражали Шевырёв, Бодянский, Катков, Леонтьев, Хомяков. Шевырёв хотел, чтобы я разделил мифологический период языка на четыре, а потом на пять отделов... Нападал на меня за то, будто я вижу

в нашей поэзии влияние скандинавское, но я ему доказал, что это ему померещилось <...>. Катков нападал на меня за соединение интересов лингвистических с историческими, так что не видно, кто в моей диссертации — как он выразился — хозяин, лингвист или историк: хозяином диссертации назвал я самого себя. <...> Наконец, Шевырёв сделал общее заключение обо всём в диспуте и заявил, что были нападения частные, более оброщённые на период мифологический, но собственно мой предмет о влиянии христианства на словенский язык остался за мною, и я сидел в своей крепости, как он выразился, непобедим!" [16, с. 125, 126].

Книга "О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию" [17] была во многом необычна для своего времени. Учёный взялся за легендарный памятник церковнославянской письменности с целью выяснить степень "влияния христианства на славянский язык" [там же, с. 6], основываясь главным образом на изучении корнеслова и отыскивая в нём черты языческие (мифологические) и христианские [18]. Сообразно этому он поделил и историю языка на два периода. В первом "изобразительным воззрением слово живописало страсти и духовные способности человека и своей изобразительностью порождало веру в вещественное явление духовного" [17, с. 9]. Ф.И. Буслаев разгадывал символы словесных фантазий предков, которые своим творческим умом создавали удивительные образы и почти исторические сюжеты о "предвещающей птице" лебедь, о синей молнии... Сквозь строки глубокого лингвистического анализа корней и суффиксов, их этимологических и смысловых переплетений звучат порывы его юношеского романтизма: "Мифология есть не что иное, как народное сознание природы и духа, выразившееся в определённых образах: потому-то она так глубоко входит в образование языка как первоначального проявления сознания народного" [там же, с. 65, 66]. Изобразительность, чувствительность к образам — это то, что, по мнению Буслаева, впитало слово в древний мифологический период.

Христианизация языка не только наложила отпечаток на его формы, но и повлияла, как полагал учёный, на умственное развитие народа. "Слово Божие, — писал он, — оглашаясь в языке необразованном, выводит его из пределов домашнего, одностороннего воззрения на общечеловеческое поприще отвлечённой, нравственной мысли" [там же, с. 89]. Выводы Буслаева, обозначенные в конце исследования как "Положения", и составили программу дальнейшего изучения истории языка "в теснейшей связи с преданиями и верованиями народа" [там же, с. 211].

Титульный лист первого издания «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева. Москва, 1861 г.

Новая книга Ф.И. Буслаева, по меткому выражению его ученика В.Ф. Миллера, — «учёная реставрация целого периода культуры народа, трудное восстановление по отдельным кусочкам старинной разбитой мозаики, предпринятое опытной рукой учёного археолога-художника» [19, с. 25, 26].

К этому времени Буслаев уже работал в Императорском Московском университете. Ещё раньше, с 1842 г., он был прикомандирован в помощники к профессорам русской словесности И.И. Давыдову и С. П. Шевырёву. Тогда начался самый плодотворный период деятельности учёного. В 1850-е годы он много печатался. Главными предметами его научного интереса по-прежнему оставались народная словесность и компаративистика.

Так, в 1850 г. Буслаев откликнулся на «Мысли об истории русского языка» И.И. Срезневского, выразив солидарность с автором в том, какие вопросы должна решать эта наука: «В каком отношении стоит история языка к современному его состоянию? Необходимо ли историческое изучение языка для теории и слога современного? Соответствует ли историческое развитие языка успехам умственной и положительной жизни народа? Наконец, в какой связи состоит история языка русского с сравнительною грамматикою языков индоевропейских?» [20, с. 32].

В рецензиях на многие заслуживающие внимания труды того времени Ф.И. Буслаев показал себя как филолог-энциклопедист. Например, он подробно разобрал «Историю русской словесности» С. П. Шевырёва (1846), «Опыт областного великорусского словаря, напечатанный Вторым отделением Академии наук» (1852), 2-е издание капитального труда Г.П. Павского «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1852) в «Отечественных записках». 15 января 1852 г. учёный признавался известному слависту В.И. Григоровичу: «Послал я разбор Наблюдений Павского. Отделал его, как следует: досадно, что надобно было взять довольно резкий тон, потому что большая часть его Наблюдений — такой вздор, о котором не стоило бы и говорить. Но что делать? Он пользуется даже в гимназиях большою популярностью и, можете представить себе, сколько приносит вреда» [21]. Ф.И. Буслаев в своих критических отзывах анализировал работы К.С. Аксакова «О русских глаголах» (1855) и А.С. Хомякова «Сравнение русских слов с санскритскими» (1855), сказки А.Н. Афанасьева (1856) и др.

В 1858 г. вышла книга Ф.И. Буслаева «Опыт исторической грамматики русского языка» — первый в отечественной филологической традиции полный свод лингвистических правил в духе передовых идей компаративистики того времени, заложивший основы исторической грамматики как науки. Книга поделена на две части: «Этимологию» (термин, которым ранее обозначали раздел лингвистики, изучающий не происхождение языка, а описание звуковой системы, образование и изменение слов) и «Синтаксис». При вполне традиционном делении Буслаев задал иной вектор мысли: от старого филологического способа изучения языка, который господствовал в русской школе в первой половине XIX в., он совершил прорыв в будущее — в сторону анализа законов и внутреннего устройства языка: как он складывался в разные эпохи, как менялись его звуковая оболочка и грамматические формы, из чего состоит корнеслов. Фёдор Иванович говорил о необходимости изучения разговорного (то есть не образцового) языка вместе с книжным, церковным [22, с. II]. Всё это можно сделать, как справедливо полагал учёный, только с помощью сравнительно-исторического метода.

Как и первая книга Буслаева, «Опыт исторической грамматики русского языка» стал событием в общественной жизни России. Только по известным нам фактам [8, с. 78] на разные издания этого труда с 1859 по 1872 г. было опубликовано 12 рецензий, а в «Русской беседе» в двух номерах 1859 г. появился обширный критический обзор К.С. Аксакова, посвящённый анализу учебника Ф.И. Буслаева.

В.Ф. Миллер писал в конце XIX в.: "Для всех современных исследователей русского языка грамматика Буслаева служила крепкими подмостками, по которым они взобрались выше архитектора-учителя, и уже это одно даёт ей неоспоримое право считаться книгою, которой появление составило эпоху в русской филологической науке" [19, с. 27]. Академик А.А. Шахматов, во многом разделяя лингвистические поиски учёного, назвал Ф.И. Буслаева "основателем исторической науки о русском языке" [13, с. 14, 16].

Позднее Фёдор Иванович издал не менее глубокое по содержанию и хронологическому охвату собрание текстов под названием "Историческая христоматия² церковнославянского и древнерусского языков" [23]. Книга состояла из двух больших "отделов", как обозначено в издании. В первом Ф.И. Буслаев поместил отрывки из Священного Писания и богослужебных книг, "начиная с древнейших письменных памятников до исправленного текста Библии" [там же, с. 1]. Во втором содержались другие произведения церковнославянской и древнерусской литературы. Все памятники он расположил в хронологическом порядке: с XI по XVI в. — в Отделе первом, с XI по XVII в. — в Отделе втором. Кроме того, большой интерес представляют два приложения к "Исторической христоматии": "Памятники народной словесности XVIII в." и "Образцы современной народной словесности".

Отдел второй — наиболее интересная и оригинальная, на наш взгляд, часть книги, где впервые представлена вся палитра художественных орнаментов и стилистических рисунков древнерусских памятников — от канонических до бытовых. В "Исторической христоматии" впервые в таком объёме представлены образцы приказной литературы, которая в начале XIX в. с историко-лингвистической точки зрения была изучена слабо и не входила в культурный слой источников [24]. Буслаев же, напротив, показал богатство её жанров и трансформаций, влияние на формирование стилей литературного языка.

"Историческая христоматия" — целая веха в лингвистическом "памятниковедении" России. Во всей нашей научной практике мы не знаем более интересного, полного, богатого по жанрам и историко-художественным достоинствам собрания текстов для учебной работы. Однако только в конце 1930-х — начале 1940-х годов этот опыт Буслаева в какой-то мере был использован С. П. Обнорским и С. Г. Бархударовым при подготовке "Хрестоматии по истории русского языка" [25],

заменившей дореволюционную книгу Буслаева, которая стала библиографической редкостью и не использовалась, скорее, по идеологическим причинам.

Е.Ф. Будде в памятной речи "О заслугах Ф.И. Буслаева как учёного, лингвиста и преподавателя" сочувственно заметил: "Эта Христоматия представляет из себя такой громадный и крупный по своему значению учёный труд, что уже вскоре не могли без него обходиться учёные специалисты, жившие вдали от главных книгохранилищ и рукописных собраний России" [26, с. 21].

В том же 1861 г. вышла двухтомная монография Ф.И. Буслаева "Исторические очерки русской народной словесности и искусства" — уникальный по глубине и научной цельности труд, впервые в отечественной филологической традиции собравший всё лучшее, что было сделано по изучению народной поэзии в сравнительно-историческом отношении [27].

В 1860 г. Ф.И. Буслаева избрали ординарным академиком Императорской Академии наук. А в конце 1859 г. при содействии графа С.Г. Строганова он начал читать лекции по истории русской литературы наследнику российского престола цесаревичу Николаю Александровичу. При обзоре словесности Буслаев рассказывал о славянской этнографии и мифологии, о влиянии сравнительного метода на новые тенденции в филологии. Даже повествуя о языческих мотивах в истории древней литературы, он всегда подчёркивал высокие нравственные и умственные устремления предков: "Чем более жил народ историческою жизнью и чем яснее сознавал он своё историческое назначение, тем полнее и определённое воссоздавал в своём эпосе идеальные характеры божеств, которые были не что иное, как поэтические представители его собственной жизни" [28, с. 68]. В предисловии анонимного автора к изданию этих лекций говорилось: "Чтения талантливого профессора пробудили такой интерес в его царственном ученике, что последний просил не прерывать занятий даже на Святой неделе; по той же причине чтения эти продолжались с небольшими перерывами и летом" [там же, с. 1].

Интерес к легендам, невероятным событиям и художественной фантазии народа сблизил Буслаева с писательской средой: во время сотрудничества с "Русской речью" (1861) он познакомился с Н.С. Лесковым, который посвятил любителю древностей свой рассказ "Некрещённый поп", «потому что это оригинальное событие уже теперь, при жизни главного лица, получило в народе характер вполне законченной легенды; а мне кажется, проследить, как складывается легенда, не менее интересно, чем проникать, "как делается история"» [29]. Ещё раньше с помощью универси-

² Христоматия — авторская орфография слова в названии первого издания книги Ф.И. Буслаева, которая сохранена в статье. — О. Н.

тетских учителей М.П. Погодина и С.П. Шевырёва Ф.И. Буслаев вошёл в круг славянофилов — братьев И.В. и П.В. Киреевских, А.С. Хомякова, К.С. Аксакова. Впрочем, как отмечали его ученики, "их богословско-философские доктрины, их политические взгляды оставались ему совершенно чужды" [12, с. 155].

Буслаев понимал литературу как словесность в том исконном смысле, который вкладывали в это слово учёные XIX в. Предпочтение он отдавал древнерусской литературе — самобытной и в сюжетах, и в проблемах, и в художественных образах. Произведения XVIII столетия и далее представлялись Фёдору Ивановичу "неоригинальными" и требовали изучения в сопоставительном плане, хотя имели "для народа великое значение" [30, с. 3, 4].

Во второй половине 1860-х и в 1870-е годы Буслаев постепенно отходит от истории русского языка и переключается на изучение западноевропейской литературы, христианского искусства и археологии, эстетики. Лишь спустя 20 лет после смерти учёного Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук выпустило "Исторические очерки Ф.И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях", сопроводив их рисунками и иллюстрациями. Ученик Фёдора Ивановича Н.П. Кондаков в предисловии писал: «Значение орнамента лицевых рукописей Ф.И. Буслаев угадал в своё время с обычной своею проницательностью. Он выделил в древней русской письменности ту замечательную группу памятников, идущую от второй половины XII столетия до начала XV, которая, под условным названием "звериного стиля", касается, по его словам, всего вопроса о самой сущности древнерусского искусства» [31, с. III].

В это же время Ф.И. Буслаев путешествовал по Европе, изучал иконографию, много работал с архивными документами, собирая материалы для заключительной книги "Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й" [32]. Буслаев разобрал не только внешние качества рукописей, их техническое исполнение, но и проник в символику, стилизацию, "костюм" письма [31, с. 255–260]. Тщательный палеографический анализ изображений, их детальное описание и с внешней, и с содержательной стороны, увлечённость Фёдора Ивановича духовными сюжетами и историями — он как будто читал религиозную летопись искусства — выдвинули учёного на пьедестал почёта среди самых именитых "археологов" и теоретиков искусства того времени. Перелистывая страницы монументальной книги, мы словно оказываемся в другом мире, где каждый листок

и цветочек обладает живой душой — он смотрит на нас, переливается красками, неторопливо колыхается и разговаривает. Вот один из примеров описания: "Река, исходящая из-под престола Господня, внизу разливается по всю ширину миниатюры; из самой середины этого разлива поднимается Дерево Жизни и кверху распростирает свои ветви по обе стороны реки для выражения мысли самого текста" [32, с. 772].

Обзор искусствоведческих трудов Ф.И. Буслаева — отдельная большая тема. Его талант здесь раскрылся необычайно широко, вобрав в себя мудрость филолога, тонкость живописца, проницательность историка и художественный вкус ко всему прекрасному, подлинному. Неслучайно М.Н. Сперанский назвал Фёдора Ивановича "основателем истории русского искусства" [3, с. 1].

Незадолго до своего юбилея Буслаев собрал и издал самые ценные свои работы под обложкой двухтомника "Мои досуги" [33], куда включил статьи и очерки по эстетике и западноевропейскому искусству (ч. 1), а также заметки по истории литературы и культуры, воспоминания о своём учителе М.П. Погодине (ч. 2). Писатель Н.С. Лесков не преминул откликнуться на это собрание в рассказе "Клоподавие" такой репликой о "перехожих" повестях: «После ухода редактора стал я читать чудную книгу Ф.И. Буслаева "Мои досуги", где великий знаток лицевых Апокалипсисов и иконописных школ так мастерски разобрал переходные повести, тонко осветив нити, связывающие во единое целое сказания самых отдалённых времён и народов» [34, с. 117].

В 1887 г. учёный выпустил объёмное исследование "Народная поэзия. Исторические очерки" [35], — работы и монографии 1861–1871 гг., составившие, по его словам, как бы продолжение докторской диссертации. "Русский богатырский эпос", которым открывается книга, на первой же странице содержит сокровенные мысли автора: "Счастлив тот народ, который в национальных основах своей литературы, вместе с любовью к родине, может воспитывать в себе все высшие, общечеловеческие стремления, народ, который, раскрывая свою национальность, двигает вперёд историю человечества и в произведениях своих писателей с гордостью указывает на высшую степень умственного и литературного развития, какой только мог достигнуть человеческий разум в ту или другую эпоху истории цивилизации" [там же, с. 1, 2].

В 1888 г. состоялось чествование академика и заслуженного профессора Императорского Московского университета Ф.И. Буслаева по случаю его 50-летней деятельности. Скромный филолог отказался от официальных мероприятий,

но в газетах и журналах, телеграммах и личных посланиях его имя произносилось с большим почтением и уважением. В высочайшем рескрипте императора Александра III от 21 августа 1888 г. говорилось: "Многочисленные труды Ваши по исследованию законов родного слова и в обширной области нашей древней письменности и народного искусства, в которой Вам нередко приходилось прокладывать первые пути, снискали Вам в России и за пределами её почётную известность. <...> Вы неизменно оставались верными возвышенному идеалу наставника, который не только сообщает знания юношеству, но и укореняет в нём любовь к родине, уважение к заветам её истории, верность и преданность Престолу" [36, с. 7].

Императорская Академия наук в лице академиков Я.К. Грота, А.Ф. Бычкова, М.И. Сухомлинова, А.Н. Веселовского и И.В. Ягича приветствовала своего коллегу телеграммой, завершавшейся такими словами: "Ваши превосходные труды, основанные на сравнительно-историческом методе, впервые приложенном Вами к русской филологии, давно оценены по достоинству и навсегда останутся образцами глубокого изучения, тонкого эстетического чувства и мастерского изложения. Дорогой товарищ! Живите и действуйте ещё долго на пользу и славу отечественной науки" [там же, с. 9].

Но особенно были дороги Буслаеву поздравления с малой Родины: "Пензенская гимназия, первоначальная Ваша *alma mater*, помнит своего старейшего ученика и гордится тем, что она имела Вас своим питомцем. Совет гимназии <...> единодушно ходатайствует перед высшим начальством о постановке Вашего портрета в актовом зале гимназии в пример и назидание как современному поколению, пребывающему в гимназии, так и будущим её питомцам" [там же, с. 12].

Юбилейные торжества завершились приятным событием: Императорский Московский университет на заседании своего совета 17 декабря 1888 г. единогласно присвоил Ф.И. Буслаеву степень доктора теории и истории искусств [там же, с. 18].

С 1890 г. в "Вестнике Европы" начинают печататься "Мои воспоминания" Ф.И. Буслаева — удивительная по изяществу слога, достоверности, высокой художественной стилистике, живой интонации летопись XIX в. глазами её любознательного и вдумчивого литератора и историографа [37]. Близкий коллега Буслаева по Отделению русского языка и словесности академик Я.К. Грот писал 24 апреля 1893 г. [38]:

«Глубокоуважаемый Фёдор Иванович.

Приношу Вам сердечную мою благодарность за доставленный мне оттиск Ваших "Воспоминаний". Некоторые части их я читал в Вестнике Европы при самом их появлении, но теперь имею

возможность ознакомиться с ними в целостности и скажу без лести: где я ни принимался, тотчас по получении книги, перелистывать её, я зачитывался и не мог оторваться от случайно выбранного места: так интересны Ваши записки. Нельзя не чувствовать, как с самого выступления Вашего на поприще педагогической деятельности провидение благоприятствовало Вашему развитию и образованию именно в том направлении, которое всего более соответствовало Вашим способностям и вкусам, и везде граф Строганов является Вашею путеводною звездой, Вашим ангелом-хранителем. Счастлива была Ваша мысль приняться вовремя за создание этого столь увлекательного и поучительного отчёта о Вашей жизни и деятельности <...>.

Искренне Вам преданный
Я. Грот.»

Лишь спустя много лет нам удалось найти и частично опубликовать продолжение хроники Буслаева под названием «Дополнения к "Моим воспоминаниям", не допущенные мною в печать» [39, 40, 41], где он рассказывал о годах учительства в семье графа С. Г. Строганова, приводил интересные зарисовки о митрополите Филарете (Дроздове), откровенно писал о событиях в культурной жизни России того времени, своих переживаниях и сомнениях.

Ф.И. Буслаев умер 31 июля (12 августа по ст. ст.) 1897 г. на даче в посёлке Люблино под Москвой, где в последние годы проводил летние месяцы. Его отпели 3 августа в церкви святой Татьяны при Московском университете и похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря "близ Батюшкова". Там же неподалеку у стен древнего Смоленского собора покоятся останки его современников и учителей — М.Н. Загоскина, М.П. Погодина и О.М. Бодянского. Со временем, по-видимому, в 1910-х годах, после смерти его второй жены Л.Я. Буслаевой, воздвигли на этом месте изящную часовню, стоявшую до начала 1930-х годов и уничтоженную во время массового осквернения и "реконструкции" старинных некрополей. Сейчас там стоит новый памятник советского образца.

По духовному завещанию Ф.И. Буслаева, составленному в 1891 г., единственный сын получил в собственность библиотеку "во всём её составе", а доходы были разделены между супругой и наследником. После смерти Ф.И. Буслаева его вдова с сыном передали книжное собрание учёного Императорскому Московскому университету, и оно до сих пор хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Биографические и научные материалы, включая переписку,

мемуары и сопутствующие документы, находятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в Российском государственном архиве литературы и искусства и в Государственном литературном музее.

Потомки Ф. И. Буслаева стали известными педагогами, филологами и общественными деятелями: сын Владимир Фёдорович служил инспектором Коломенской и директором Серпуховской гимназий, он являлся автором учебников по латинскому языку; внук Фёдор Владимирович преподавал в советских трудовых школах, в 1920-х годах работал на Высших государственных литературных курсах, сотрудничал со Словарным отделом Института языка и мышления АН СССР, а с 1935 по 1941 г. служил в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина; правнук Алексей Александрович Буслаев руководил Московским лингвистическим кружком, занимался историей языка, работал под руководством Д. Н. Ушакова редактором-лексикографом, в 1940—1960-х гг. был сотрудником Радиокомитета.

Имя академика Ф. И. Буслаева в истории отечественной науки и культуры соотносимо не просто с обликом талантливого академического исследователя, знатока древностей и самобытного педагога, но и с выразителем лучших духовных качеств личности — живой, необычной, открытой новым идеям и свершениям. Русский философ В. В. Розанов в книге "Уединённое" упомянул Ф. И. Буслаева в числе "умов спокойных" — В. О. Ключевского, С. М. Соловьёва, Н. С. Тихонравова: "Это были люди верующие, религиозные, люди благочестивой жизни в самом лучшем смысле, — в спокойно-русском... Они... всю жизнь трудились, благородствовали, созидали" [42, с. 79].

Знаменитый историк В. О. Ключевский (кстати, земляк Ф. И. Буслаева) вспоминал: "... он учил нас читать древние памятники, разбирать значение, какое имели слова на языке известного времени, сопоставлять изучаемый памятник с другими одновременными и посредством этого разбора и сопоставления приводить его в связь со всем складом жизни и мысли того времени" [43, с. 208].

Ф. И. Буслаева можно назвать певцом науки. Его энциклопедизм в сочетании с человеческим обаянием, скромностью, добротой и мудростью, невероятная романтика души и вера в высокое предназначение филологии как истинной наставницы на тернистом пути жизни гармонично вросли в облик седовласого академика и остались в памяти многих его учеников и последователей. В речи на заседании Императорского Общества любителей древней письменности 28 ноября 1897 г. профессор М. Н. Сперанский,

обращаясь к участникам памятного собрания, с необычайной лирической проникновенностью говорил о Буслаеве: "В нём мы утратили редкого по чистоте типа учёного, редкого по долговечности работника, редкого, по душевным свойствам, человека сороковых годов: идеалист, впечатлительный, отзывчивый на всё хорошее, замечательно деликатный и ласковый к людям, рыцарски благородный в столкновениях с ними, — таким остался Фёдор Иванович до последних дней своих. Слушая его воодушевленную речь об Италии, её искусстве и памятниках, или о средневековом романе, или русской благочестивой легенде, слушатель совершенно забывал, что перед ним не юноша, а глубокий старец, глубоко понимающий и глубоко чувствующий и потому так восторженно повествующий о красотах Италии, о древнехристианских памятниках, о средневековой легенде" [3, с. 22].

Имя Ф. И. Буслаева вписано в летопись не только филологической традиции его времени, но и шире — культуры России XIX в. Его современниками были Н. В. Гоголь, Т. Н. Грановский, П. А. Чаадаев, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков — целое созвездие имён замечательных русских писателей, историков, философов, занимавшихся "строительством" народности и живших высокими идеалами словесного творчества. Этот дух питал и Ф. И. Буслаева, который ещё долгие годы будет показывать нынешним исследователям дорогу к научному знанию и заражать "поэзией чувства и сердечного воображения" — "отечествоведением", филологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буслаев Ф. И.* Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления / Сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. М.: Русская книга, 2003.
2. ОР РГБ³. Ф. 42. Картон 11. № 1. Л. 3—3об.
3. *Сперанский М. Н.* Памяти Ф. И. Буслаева: речь, прочтённая в заседании Императорского Общества любителей древней письменности 28-го ноября 1897 г. // Памятники древней письменности. Т. СХХV. СПб.: Общество любителей древней письменности, 1898.
4. Отчёт о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1835/6 академический и 1836 гражданский годы. М., 1837.
5. ОР РГБ. Ф. 42. Картон 11. № 41. Л. 2.
6. ОР РГБ. Ф. 42. Картон 1. № 1.
7. ОР РГБ. Ф. 42. Картон 11. № 10.
8. *Смирнов С. В.* Ф. И. Буслаев. М.: Изд-во МГУ, 1978.

³ ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.

9. *Буслаев Ф. И.* О преподавании отечественного языка. Сочинение Фёдора Буслаева, старшего учителя 3-й московской реальной гимназии. Ч. 1, 2. М.: Университетская типография, 1844.
10. *Никитин О. В.* Фёдор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) // *Русская речь.* 2018. № 3. С. 48–56.
11. ["Мы много виноваты перед этой книгой..."]. Рецензия на книгу "О преподавании отечественного языка. Сочинение Фёдора Буслаева, старшего учителя 3-й московской реальной гимназии". М., 1844 // *Отечественные записки.* 1846. Т. 46. С. 37–54.
12. *Кирпичников А. И.* Ф.И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов // *Памяти Фёдора Ивановича Буслаева.* М.: Издание Учебного отдела Общества распространения технических знаний, 1898.
13. *Шахматов А. А.* Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // *Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании отдела Коменского 21-го января 1898 года...* СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898.
14. Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук за первые 50 лет его деятельности: 1841–1891 гг. Сборник документов / Отв. ред. И. В. Тункина. Сост. Е. Ю. Басаргина, О. А. Кирикова. СПб.: Нестор-История, 2016.
15. *Кирпичников А. И.* Буслаев как основатель истории всеобщей литературы // *Памяти Фёдора Ивановича Буслаева.* М.: Издание Учебного отдела Общества распространения технических знаний, 1898.
16. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 томах. Кн. 10. СПб.: Изд-во "Погодин и Стасюлевич", 1896.
17. *Буслаев Ф. И.* О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. М.: Университетская типография, 1848.
18. *Никитин О. В.* "Филология духа". Фёдор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // *Русский язык в школе.* 2018. № 5. С. 79–86.
19. *Миллер В.* Памяти Фёдора Ивановича Буслаева // *Памяти Фёдора Ивановича Буслаева.* М.: Издание Учебного отдела Общества распространения технических знаний, 1898.
20. *Буслаев Ф. И.* Мысли об истории языка И. Срезневского. Санкт-Петербург, 1850 // *Отечественные записки.* 1850. Т. 72. С. 31–58.
21. ОР РГБ. Ф. 86. Картон 4. № 28. Л. 1об.
22. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей. Ч. I. Этимология. Ч. II. Синтаксис. М.: Университетская типография, 1858.
23. *Буслаев Ф. И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М.: Университетская типография, 1861.
24. *Никитин О. В.* Деловой язык русской дипломатии XVI–XVII вв. (формальные и стилеобразующие средства) // *Филологические науки: Научные доклады высшей школы.* 2005. № 1. С. 81–89.
25. *Никитин О. В.* Академик С. П. Обнорский: личность учёного в контексте проблем и дискуссий отечественного языкознания (К 130-летию со дня рождения) // *Русский язык в школе.* 2018. № 6. С. 87–91.
26. *Будде Е. Ф.* О заслугах Ф. И. Буслаева как учёного лингвиста и преподавателя. Речь, читанная в торжественном заседании Казанского об-ва археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года. Казань: Типолитография Императорского университета, 1898.
27. *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1, 2. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова: Типография товарищества "Общественная польза", 1861.
28. *Буслаев Ф. И.* История русской литературы. Лекции, читанные его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. (1859–1860 гг.). Вып. 1. М.: Синодальная типография, 1904.
29. *Лесков Н. С.* Некрещёный поп. <http://leskov.org.ru/library/nekreschenyj-pop/nekreschenyj-pop-01.htm>
30. *Буслаев Ф. И.* История русского языка и словесности. Лекции, читанные ординарным профессором Ф. И. Буслаевым студентам II, III и IV курсов историко-филологического факультета Императорского Московского университета. 1867/8 академический год. М.: Издание А. Мавродиади, 1868.
31. *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки Ф. И. Буслаева по русскому орнаменту в рукописях. Петербург: Отделение русского языка и словесности Академии наук, 1917.
32. *Буслаев Ф. И.* Русский лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й / Сост. Фёдор Буслаев. М.: Синодальная типография, 1884.
33. *Буслаев Ф. И.* Мои досуги: Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Фёдора Буслаева. Ч. 1, 2. М.: Синодальная типография, 1886.
34. Неизвестные рассказы из архива А. Н. Лескова / Вступительная статья и публикация А. И. Понятовского // *Литературное наследство.* Т. 87. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, 1977.
35. *Буслаев Ф. И.* Народная поэзия. Исторические очерки ординарного академика Ф. И. Буслаева. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887.
36. Чествование пятидесятилетней учёной деятельности академика и заслуженного профессора Фёдора Ивановича Буслаева. Отдельный оттиск. Воронеж: Типография В. И. Исаева, 1889.
37. *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М.: Издание В. Г. Фон-Бооля, 1897.

38. ОР РГБ. Ф. 42. Картон 11. № 69. Л. 3–Зоб., 4.
39. *Буслаев Ф.И.* Из «Дополнений к "Моим воспоминаниям", не допущенным мною в печать» / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. О.В. Никитина // *Московский журнал. История государства Российского.* 1999. № 3. С. 15–20.
40. *Буслаев Ф.И.* Из «Дополнений к "Моим воспоминаниям", не допущенным мною в печать» / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. О.В. Никитина // *Московский журнал. История государства Российского.* 1999. № 4. С. 23–27.
41. *Буслаев Ф.И.* Из «Дополнений к "Моим воспоминаниям", не допущенным мною в печать» / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. О.В. Никитина // *Московский журнал. История государства Российского.* 2000. № 5. С. 35–39.
42. *Розанов В.В.* Опавшие листья. М.: Современник, 1992.
43. *Ключевский В.О.* Ф.И. Буслаев как преподаватель и исследователь // *Ключевский В.О.* Литературные портреты / Сост., вступ. статья А.Ф. Смирнова. М.: Современник, 1991. С. 205–211.

THE FOUNDER OF THE HISTORICAL SCIENCE OF THE RUSSIAN LANGUAGE.

THE 200TH ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN F.I. BUSLAEV

© 2019 O.V. Nikitin

Moscow Region State University, Moscow, Russia

E-mail: olnikitin@yandex.ru

Received: 11.07.2018

Revised version received: 11.07.2018

Accepted: 18.07.2018

The article presents an analytical review of the biography and scientific activity of F.I. Buslaev (1818–1897), an outstanding Russian philologist and academician of the Imperial Academy of Sciences. Special attention is paid to his innovation in his studies of monuments of folk literature, and teaching the history of the Russian language. F.I. Buslaev was one of the originators of modern comparative studies, lingua-cultural analysis, and influenced the development of science during the XX–XXI centuries. This article releases new archive documents revealing F.I. Buslaev's laboratory of creative thought, and describing his formation as a scientist. Interesting little-known biographical facts are also presented. F.I. Buslaev's personality is considered in the context of the social and historical events of his time.

Keywords: F.I. Buslaev, history of science, philology, Russian language, comparative studies, verbal culture.